

Лауреат Сталинских премий

... Работы не было, денег не было. До окончания консерватории оставалось еще три года. Деньги необходимы на жизнь, на учебу. Нужно во что бы то ни стало найти работу. Но ни в театрах, ни в консерватории вакантных мест нет.

Каждое утро руки нервно листают листы газет. Пестреют объявления: «Ищу работу», «Согласен на любую работу», «Ищу...». А где же «Требуется»? Неужели в этом мире никому не требуются молодые сильные руки талантливого пианиста? Эти газетные листы могут довести до помешательства. Но руки еще не опустились, они продолжали листать: он согласен на любую работу... пока.

... В конторе государственного управления парками, разместившейся в небольшом доме на краю Кадриорга, — тишина. Ее нарушают сухое пощелкивание костяшек счетов и шелест листы деревьев, приносимый из парка порывами теплого июльского ветерка. Раудсепп — перед столом скупающего секретаря конторы.

— Мне сказали, что вам требуется помощник садовника. Я хотел бы получить это место, — взгляд Раудсеппа решителен, голос спокоен.

— Да, мы давали объявление. Кто вы? Где работали?

Раудсепп отвечает. Секретарь, наконец, произносит:

— Хорошо, я поговорю о вас. Придите через неделю за ответом.

И вот он — помощник садовника — ведет счета продажи цветов, поддерживает порядок в парниках, копается на клумбах. В сущности, работа не трудная, могло быть хуже. Хорошо, что вечера почти целиком остаются для занятий. Теперь он сможет закончить консерваторию. Всего три года, — не так уж много. А когда он закончит... Впрочем, сейчас лучше об этом не думать. Раудсепп с силой вонзает лопату в мягкий грунт.

... Руки быстро бегут по клавишам. Мать замечает, что за последнее время сын словно нарочно выбирает для игры вещи, полные беспокойства, протеста. Она молчит, она понимает его.

... Руки берут сильный заключительный аккорд. Он кончил консерваторию. На выпускном экзамене профессор сказал, что у него большое будущее. Профессор «как в воду глядел»: Раудсепп получил повышение... счетовод в конторе.

За окном кружат желтые листья, ветер завывает тоскливо, все то же убийственно однообразное пощелкивание костяшек счетов. Чорт бы побрал эту жизнь! Будь проклят этот Пяте со всем его правительством! Они наверное хотят доказать, что в Эстонии перестали любить хорошую музыку, что в Эстонии нет хороших музыкантов. В театрах идет всякая дребедень, лоснящийся довольством партер поклоняется заезжим с Запада модным гастролерам.

Но дальше не может так продолжаться. Вот уже два года, как Раудсепп закончил консерваторию, а работы, кроме конторской, у него нет. Этот строй никуда не годится, если при нем человек не может заниматься любимой профессией, если души моло-

Кирилл Димитриевич Раудсепп зарегистрирован окружной избирательной комиссией кандидатом в депутаты Таллинского областного Совета депутатов трудящихся по избирательному округу № 22. Выдвинут общим собранием работников театра «Эстония».

дых талантливых людей начинает разеять ржавчина безнадежности. Все это должно кончиться. Сколько может длиться ночь! Должно же взойти солнце!

И оно взошло.

Сороковой год ворвался в Эстонию потоками света, бурными порывами освежающего ветра. Этот ветер смел гниль, разметал истлевшие устои звериных порядков, по-новому повернул судьбы людей. Свет Советской власти засиял над эстонской землей.

... Хилле ужасно волнуется, телефонная трубка дрожит в ее худенькой руке. Нужно сообщить мужу как можно быстрее.

— Алло! Кирилл? Мне сказал настройщик Пярма, он только что был у нас, что театру нужен пианист... Там спрашивали о тебе...

Раудсепп вешает трубку. Скорей, скорей в театр.

Прослушивание длится долго, его просят играть еще и еще. Потом он в волнении ходит по коридору. И вдруг, радостная весть — принят!

Так Кирилл Димитриевич Раудсепп, ныне главный дирижер Государственного Академического театра оперы и балета «Эстония», начал свою работу в театре. О годах жизни своей в буржуазной Эстонии он не любит говорить — они вспоминаются ему диким, бесчеловечно уродливым сном.

Его глаза теплеют, когда речь заходит о театре советских лет.

В сорок пятом году ему предложили дирижировать оперой Пуччини «Чио-Чио-Сан».

Несколько месяцев он работал дома над партитурой оперы. А когда пришел на первую репетицию (от волнения ночь почти не спал), встал за дирижерский пульт, сказал оркестрантам:

— Я не дирижер — это вы все знаете. Мне предложили и нужно попробовать. Я надеюсь, что общими усилиями мы с оперой справимся.

В газетах о новой постановке писали, как об успехе молодого дирижера.

Но это было только началом. Нужно учиться. И Раудсепп снова поступает в консерваторию, в класс композиции.

А в январе сорок девятого года его посылают на три месяца в Москву, в творческую командировку.

Раудсепп возвращается в Таллин, обогащенный знаниями, и весь отдается работе.

Театр «Эстония» приступает к работе над новой оперой Густава Эрнесакса «Берег бури». Дирижирует Раудсепп.

Инструментовка оперы мало удалась композитору. И коллектив театра в процессе постановки вместе с автором стремится улучшить ее. Опера не только ставится, но и дорабатывается. И все-таки общественность после премьеры «Берега бури» отмечает в опере немало недостатков.

Руководство театра вместе с Эрнесаксом, дирижером и постановщиком подробно анализирует замечания и решает внести в оперу существенные исправления. В результате длительных творческих поисков, напряженного труда рождается вторая, более совершенная редакция «Берега бури».

... Снова Москва. Театр «Эстония» приехал сюда на гастроли. Опера «Берег бури» тепло принимается москвичами. В числе других постановок в репертуаре гастролов — новая опера Эугена Каппа «Певец свободы». Раудсепп давно мечтал об опере, посвященной современности. Поэтому дирижирует «Певцом свободы» — первой эстонской оперой на современную тематику — с особой радостью, с гордостью.

Гастроли прошли хорошо. Трудный экзамен в общем был выдержан. Но это была и хорошая наука — многое в показанных спектаклях было подвергнуто серьезной критике. Москва продолжала оставаться мудрым учителем — то, что так понравилось Раудсеппу в первый его приезд.

Существенная переработка нужна была в «Певце свободы». Но это уже не смущало коллектив театра. У него был опыт работы над «Берегом бури».

Особенно памятен Раудсеппу один из мартовских дней 1951 года.

Его поднял с постели телефонный звонок.

— Кирилл Димитриевич, поздравляю вас, — раздался голос в трубке.

— Спасибо, с чем?

— Как с чем? А вы разве еще не знаете? Группе участников «Берега бури» присуждена Сталинская премия за постановку оперы, вы в их числе.

Через пять минут вся семья на ногах. На лице Раудсеппа счастливая улыбка. Обращаясь к жене, он говорит:

— Значит, наша работа видна, наша работа заметна. Вот ведь что значит не опускать рук, когда что-то не получается. Работать, работать... Если что плохо, ничего, исправить нужно. Сталинская премия! Ты понимаешь, ведь Сталинская! И «Певца свободы» доделаем, обязательно доделаем. Это нужно, очень нужно, чтобы первая опера о современности была очень хорошая, чтобы ее полюбили, чтобы она получила признание.

И она получила признание — признание народа, Родины, партии. За постановку оперы «Певец свободы» год спустя группе участников спектакля, в том числе и К. Раудсеппу, была присуждена Сталинская премия.

... В годы буржуазной Эстонии Раудсепп нередко вспоминал слова профессора, сказанные после выпускного экзамена в консерватории: «У вас, друг мой, большое будущее». С горечью вспоминал. У него, как музыканта, не было будущего. Да разве у него одного!

Будущее открылось для него, для всего эстонского искусства, для всего эстонского народа с восстановлением в Эстонии Советской власти, когда эстонский народ вошел в дружную семью советских народов. Счастливое настоящее, большое будущее!

Л. ЮДАСИН.